

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПОЖИРАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ. МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИАПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРА, МИЛИТАРИЗАЦИИ И ТОТАЛЬНОГО СТИРАНИЯ ГРАНИЦ¹

Й. Беккер²,

Институт исследования коммуникации и технологий (KomTech)
Золинген, Германия
Институт политических наук, Университет Инсбрука
Инсбрук, Австрия,
joerg.becker@komtech.org

Автор анализирует роль лавинной медиатизации современного общества в явлениях терроризма и войны, в стратегиях поддержания мира. С графической четкостью показано, что работа с медиа, нацеленность на медиаэффект – одна из главных составляющих современного терроризма. Обсуждается многообразная роль медиа в новейших войнах, в сопоставлении со старыми, «классическими» войнами. Особое внимание уделяется процессу «милитаризации коммуникации», т. е. нарастающей пропорции медиаресурсов, принадлежащих военному сектору, работающих на него или контролируемых им (так, в космосе число военных спутников сейчас уже вдвое больше числа гражданских). Важный компонент этого процесса – широкое и охотное обслуживание военных заказов ведущими пиар-агентствами во всем мире. Напротив,

---

¹ Оригинал текста: Becker Jörg. Die Informationsrevolution frisst ihre eigenen Kinder. Internationale Medienpolitik zwischen Terror, Militarisierung und totaler Entgrenzung. In: *Aufgeklärte Apokalypitik: Religion, Gewalt und Frieden im Zeitalter der Globalisierung*, Wolfgang Palaver, Andreas Exenberger, Kristina Stöckl (eds.). Innsbruck: University Press, 2007. Pp. 199–228. Текст основан на лекции, прочитанной в Университете Инсбрука 7 апреля 2005 г. в рамках «Швагеровских лекций» (*Raymund Schwager Religionspolitologische Vorlesung*), по результатам исследования «Информационные войны на Балканах с 1991 г.», профинансированного Немецким научно-исследовательским сообществом (DSF) в Оснабрюке. Текст публикуется с разрешения автора. Пер. с нем. А. А. Климентова.
«Швагеровские лекции» – цикл лекций на религиозно-политическую тематику в Университете Инсбрука, посвященных памяти о Раймунда Швагера (1935–2004), швейцарского римско-католического священника и теолога, возглавлявшего факультет богословия в Инсбрукском университете в 1999–2003. – Прим. ред.

² Беккер Йорг (г. р. 1946) – доктор философии, область исследований – социология и политика в области СМИ и медиатехнологий; директор Института исследования коммуникации и технологий (*KomTech*) в Золингене (1987–2010): с 1987 г. – почетный профессор Института политических наук Марбургского университета; с 1999 по 2011 г. – приглашенный профессор Института политических наук Университета в Инсбруке; в настоящее время свободный социолог, журналист и общественный деятель, с 2014 г. живет в Золингене (земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия), является независимым членом парламентской группы в городском совете Золингена, публикует статьи на актуальные темы в периодической печати. Сайт: <http://www.profoerg-becker.de> E-mail: joerg.becker@komtech.org

в проблемах поддержания мира и смягчения конфликтов как медиа, так и научные исследования идут по неверному пути, подлаживаясь под интересы и стратегии официальных институтов и корпораций.

Другой глобальный процесс – становление и укрепление «общества контроля» (понятие, введенное Делёзом), в котором медиа и ИТ все более подчиняются задачам контроля и слежки за всеми гражданами. Анализ автора подтверждает гипотезу Делёза о том, что сами граждане быстро принимают контроль над ними, свыкаются с ним и начинают его любить. В финальных выводах автор склоняется к тому, что увеличение потоков доступной информации служит не столько просвещению, сколько загрязнению общества и сознания; и равным образом не столько дружественному сближению враждующих сторон, сколько дальнейшему росту вражды и взаимных предрассудков.

Ключевые слова: терроризм; война; милитаризация; коммуникация; информация; масс-медиа; пиар; информационное общество; общество контроля; слежка

Для цитирования:

Беккер Й. Информационная революция пожирает своих детей. Международная политика в условиях террора, милитаризации и тотального стирания границ // Фонарь Диогена: Человек в многообразии практик. Международный антропологический журнал. 2021. № 5–6. С. 121–149.

Я хотел бы перейти от малого к великому за семь последовательных шагов. Начинаю с главы о медиа и терроре, затем перехожу к роли медиа в недавних войнах, а в третьей главе рассматриваю то, что я называю милитаризацией коммуникации. Далее я перехожу к двум главам о двух взаимодополняющих измерениях общества контроля, в шестой главе рассматриваю следствия полного стирания границ в медийных коммуникациях, и в конце этого длинного окольного пути, в седьмой и последней главе, я пытаюсь спасти то, что еще можно спасти.

Медиа и терроризм

«Вздыхающийся ад» (1974) – так назывался шок-фильм Джона Гиллермина, в котором мусульмане-смертники устраивают пожар в высотном здании. Фраза, прозвучавшая в конце этого фильма, предугадывает атаку на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г.: «Нам повезло, что сегодня ночью было всего две сотни погибших, но настанет день, когда пожар в высотке приведет к тысячам жертв». В фильме Джона Франкенхаймера «Черное воскресенье» (1977) палестинский террорист заставляет пилота направить загруженный пятьюстами килограммами пластиковой взрывчатки дирижабль на переполненный футбольный стадион. В 1998 г. череду подобных ужасиков и фильмов-катастроф продолжает «Осада» Эдмунда Цвика. Серия терактов, совершенных радикальными ислами-

стами, приводит к введению в США военного положения. По Бруклинскому мосту разрезают танки – американцы арабского происхождения интернированы в некое подобие концлагерей. Фильм Дэвида Финчера «Бойцовский клуб» (1999) еще больше напоминает теракт 11 сентября: группа молодых людей под видом боксерской организации создает обширную сеть террористических ячеек, что приводит к разрушению башен-близнецов. В «Армагеддоне» (1998) Майкла Бэя показано, как метеорит уже действительно врзается во Всемирный торговый центр, что выглядит пугающе похоже на реальные изображения, снятые в 2001 г. Также стоит упомянуть фильмы «Эпидемия» (1995) Вольфганга Петерсона, посвященный катастрофе смертельной биологической атаки, и «День Независимости» (1996) Роланда Эммериха, в котором инопланетяне создают глобальный ад.

Мы видим, что ни в атаке на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г., ни в ее медийных воспроизведениях не было ничего нового. Нападение самолетов на небоскреб, война против радикальных мусульман в Афганистане (как в «Рэмбо III» со Сильвестром Сталлоне в 1987 г.) или антиисламские пред-рассудки (см. [Said 1997; Shaheen 2001]) – все эти три момента давно знакомы Голливуду, американской фабрике грез, в качестве идеологической подоплеки. Кино – это сразу многое: не только фантазии, но также регрессия и предвидение, ускоритель и катализатор.

Чтобы понять коммуникационный аспект терроризма, имеет смысл представить его в виде треугольника «террорист – жертва – целевая аудитория» (рис. 1). При этом жертва, которая обычно так или иначе связана с целевой аудиторией, является своего рода инструментом, с помощью которого целевой аудитории передается вполне конкретное сообщение, т. е. инструментом коммуникации. Жертва терроризма призвана травмировать, деморализовать целевую аудиторию, так или иначе повлиять на нее. Поскольку только два из трех полюсов этого треугольника обычно присутствуют в момент самого террористического акта, коммуникация приобретает решающее значение. Только коммуникация является тем, что связывает третий полюс этого треугольника с двумя другими.

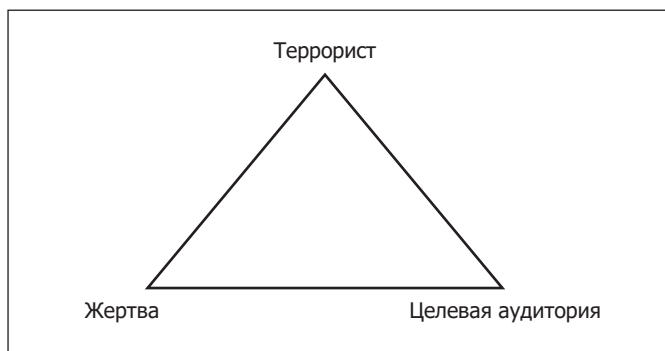

Рис. 1. Терроризм и коммуникация

Язык терроризма стар. Для русского социалиста-революционера XIX в. его бомба одновременно была и его языком. На этом языке он выступал против несправедливого и бесчеловечного политического строя без свободы печати и свободы собраний. Бомбе анархо-террориста, изготовленной для политического покушения или убийства императора, в XIX в. соответствовала нерегулярная и изготавливаемая кустарно малотиражная газета. В те времена подобные подпольные медиа могли конкурировать с официальными изданиями. У многих газет в XIX в. тираж не превышал нескольких сотен, в лучшем случае тысячи экземпляров, и зачастую их объем был ограничен несколькими страницами. При таких размерах медиа и читательского рынка им мог противостоять одинокий анархист-оратор с публичной речью в Гайд-парке.

Это соотношение изменилось в тот момент, когда благодаря экономическим и технологическим условиям лишь немногочисленные, но многотиражные газеты получили возможность обращаться к миллионам читателей. Но с тех пор как публичный дискурс обрел свое место в частнопредпринимательских медиа, когда газета стала заботиться о читателях меньше, чем о рекламе (что было неизбежно по производственно-экономическим причинам)³, террорист уже не может быть услышан при помощи обычных средств коммуникации. Террористический противник господствующей капиталистической культуры уже не может рассчитывать на то, что масс-медиа дадут ему слово или хотя бы предоставят рекламное место. Одновременно с этим собственные медиа террористов сохраняли крошечные размеры; подобные нишевые медиа широкая публика уже больше не замечает.

Терроризм – это очень специфическая форма коммуникации. Разумеется, эта форма меняется в зависимости от исторических и культурных условий. Чувовищность террористических атак на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября 2001 г. обнаруживает себя в следующих факторах: единственная оставшаяся в мире сверхдержава получила ранение на собственной территории, высокое символическое значение обоих объектов атаки, медийная демонстрация происходящего в глобальном масштабе и прямом эфире. Три полюса треугольника – террорист, жертва и целевая аудитория – слились воедино как в реальности, так и в медиа. Иначе говоря, поскольку телевидение продолжало показывать изображения горящих башен Всемирного торгового центра, оно тем самым выступало тайным соучастником как изображенного кошмара, так и террористов.

---

³ Как на «классическую» аргументацию следует сослаться на работу Юргена Хабермаса *Strukturwandel der Öffentlichkeit* [Habermas 1962], содержащую основательный анализ эпохи. (Русский перевод книги: Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. Пер. с нем. В. В. Иванова. – Прим. ред.) В узкой области наук о коммуникациях похожую аргументацию развивал уже в начале XX в. политолог Карл Бюхер в книге о сущности газеты (*Das Zeitungswesen*, нем., в русск. перев. «Производство газет»). См. [Bücher 1906].

Если дети начинают выщипывать себе брови, отказываются принимать пищу или заигрывают с мыслями о самоубийстве, т. е. проявляют аутоагрессию, то подобное поведение обычно является симптомом расстройства, связанного с отношением к родителям и коммуникацией с ними. И подобные симптомы требуют уже публичной коммуникации. Точно так же обстоит дело и с феноменом терроризма. Уже в 1975 г. американо-австрийский психолог Фридрих Хакер проанализировал явление терроризма следующим образом:

«Террористический акт – это крик о помощи, обращенный к окружающим, радикальный упрек равнодушному, слепому и глухому миру, который игнорирует оправданные притязания и требования несправедливо обойденных террористов. Молния террористического акта призвана осветить и сделать видимой несправедливость, вытесненную во тьму забвения. Это – сигнал, указывающий на прежде игнорируемое бедственное положение, заявляющий о том, что террористы впредь не намерены мириться с пренебрежительным отношением» [Hacker 1975, 220–221].

Влияние подобной оценки терроризма на медиapolитику очевидно. Явное выражение этого влияния обнаруживается, например, в словах Ричарда Фрэнсиса, бывшего главы Отдела новостей и текущих событий Би-би-си. Его анализ террористического насилия в Североирландском конфликте 70-х гг. XX в. звучал следующим образом:

«История вещания в Ирландии, и особенно в Северной Ирландии, ясно показывает, что в 60-е гг. [XX в.] умышленное изгнание радикальных мнений из эфира и настороженное отношение к легитимным целям республиканцев, к сожалению, и привели нас к тем проблемам, с которыми мы столкнулись в следующем десятилетии. [...] Вещатели должны наконец понять, что люди, которым не дают возможность достичь своих легитимных целей в рамках демократической системы, тем самым фрустрируются и вытесняются из этой системы. [...] Существует опасность того, что, когда никто не слышит радикальных мнений, не воспринимает их как вызов, не приглашает их носителей к диалогу, тогда они от высказывания этих мнений переходят к насильственным методам и выходят за рамки демократической системы только для того, чтобы их наконец заметили» (цит. по [EBU⁴ 1978, 31]).

То, о чем Ричард Фрэнсис из Би-би-си рассуждает как о журналистском и политическом принципе, приобрело в Великобритании силу закона. Согласно внесенной в 1988 г. поправке к Закону о вещании 1981 г., британским радиостанциям и телеканалам было запрещено транслировать интервью с членами ИРА.

В мире слепоты и глухоты, равнодушия, исключения и игнорирования террористы 11 сентября 2001 г. заявили о том, что они находятся на грани полного отчаяния. Их коммуникативное сообщение миру гласит: заинтересуйтесь нами,

---

⁴ *European Broadcasting Union* – Европейский союз по теле- и радиовещанию, крупнейшее объединение национальных вещательных компаний Европы (главный офис в Женеве). – Прим. ред.

мы больше не хотим, чтобы вы были слепыми и глухими, мы хотим, чтобы вы, наконец, заметили и увидели нас. Мы больше не хотим оставаться «невидимками» – можно сравнить этот сигнал террористов с тем посланием, которое адресовал белому населению США афроамериканский писатель Ральф Эллисон, когда он назвал свой роман об эмансипации «Человек-невидимка» (1952).

В условиях мирового беспорядка международных коммуникаций, когда более половины всего человечества не могут быть услышаны в массмедиа, экстраординарное, необычайное и экстремальное коммуникативное послание террористов 11 сентября 2001 г. соразмерно обычной и обыденной масс-медийной перенасыщенности, наблюдаемой в богатейшей стране Земли. На данный момент в США существует 17 000 газет, 12 000 журналов, 27 000 кинотеатров, 350 миллионов телевизоров, более 400 миллионов радиоприемников, 40 000 новых книг публикуется ежегодно, 41 миллион фотографий снимается ежедневно, 60 миллиардов писем ежегодно отправляются в электронные почтовые ящики и 150 000 часов фильмов демонстрируется по всему миру еженедельно, что означает пятидесятикратный рост киноэкспорта за последние 20 лет.

Разумеется, мир международных медиа после 11 сентября 2001 г. продемонстрировал, что подобная медийная перенасыщенность в США одновременно могущественна и немощна. И, хотя по цензурным соображениям война в Афганистане усилиями США преднамеренно была превращена в войну без изображений, арабский телеканал «Аль-Джазира» своими видео с участием Усамы бен Ладена нарушил американскую монополию на создание и толкование изображений. И, так как видео с Усамой бен Ладеном было мало, эстетика их была старомодной, суровой, патриархальной, а в западных развитых странах их показывали редко и подвергали цензуре, именно поэтому в глазах мировой общественности, вопреки образу, навязываемому CNN, они приобрели иконографическое значение.

Роль медиа в недавних войнах

Хотя определенные рамки при формировании общественного мнения присутствуют в ходе любой войны и это явление существует и поныне, но нечто новое возникло во взаимоотношениях войны и медиа в период второй войны в Персидском заливе 1991 г. Новизна заключалась в том, что под военно-государственным контролем и с привлечением пиар-агентств из частного сектора были созданы информационные системы, которые на платной основе обеспечивали со стороны медиаобщественности одобрение (наступательной) войны с благими демократическими целями. Благодаря этому инициированная государством, но создаваемая частными компаниями военно-медийная пиар-система была способна привлечь на свою сторону несколько НКО, аналитических центров, консалтинговых компаний и даже часть борцов за мир, превращая «НАТО в военизированное крыло *Amnesty International*. Здравый смысл был

подвергнут бомбардировке», – так заявлял в своем политическом эссе Ульрих Бек [Beck 1999, 17].

Таким образом, в настоящее время освещение войны в СМИ является результатом рыночной сделки между правительствами и консалтинговыми компаниями, которым платят за манипулирование медиа. Эффективность медиакоммуникации отныне измеряется не тем, насколько создаваемый при этом дискурс коммуникативно значим, но тем, насколько успешно прошло согласованное в частном порядке медиаманипулирование. Наряду с приватизацией освещения войны (это первое), существуют еще две сферы современного военного дела, которые государство отдает на откуп в частные руки. Помимо приватизации некогда официальных военных коммуникаций частными пиар-агентствами, есть еще государственная монополия на насилие, которая также приватизируется. Это второе. В обход парламентского обсуждения и одобрения государственных бюджетных затрат на оборону государство перекладывает ведение военных действий на частные военные компании (ЧВК). И, в-третьих, стратегия приватизации и аутсорсинга осуществляется в той области, которая прежде была исключительной сферой государственной политики, а именно в дипломатии. Лоббирование в органах власти иностранных держав, формулирование политических программ и международных резолюций, международные договоры о войне и мире, заключаемые в ходе тайных переговоров – все это теперь продается и покупается рыночными методами и в зависимости от спроса и предложения. Треугольник приватизации (рис. 2), включающий в себя: (1) приватизированные военные коммуникации, (2) приватизированные вооруженные силы и (3) приватизированную дипломатию, – радикально изменил будущее войны и мира, и эта ситуация нуждается в незамедлительном теоретическом и эмпирическом анализе.

Рис. 2. Приватизация войны

С позиций французской постмодернистской философии как «старые войны» эпохи модерна, так и сопутствующие им дискурсы соответствуют концепции дисциплинарного общества, разработанной Мишелем Фуко (см. [Foucault 1976]), т. е. такого общества, в котором все социальные отношения регулируются двумя принципами – надзора и наказания. В подобном дисциплинарном обществе взаимоотношения медиа и войны в свою очередь регулируются принципом цензуры (исключения). Напротив, «новые войны» позднего модерна (начало которым положили вторая война в Персидском заливе и югославские войны) и сопутствующие им дискурсы соответствуют концепции общества контроля, разработанной Жилем Делёзом⁵, т. е. такого общества, в котором люди, исходя из собственных интересов, «добровольно» сотрудничают с полицией и вооруженными силами, для того чтобы получить возможность справиться со своей жизнью в ситуации перманентного кризиса и структурного ужаса. Необходимость надзора и наказания была интериоризирована. Надзор и наказание теперь воспринимаются как нечто необходимое и даже нечто хорошее. В подобном обществе контроля взаимоотношения медиа и войны регулируются принципом кооперации (включения) (*embedded* журналистика, *embedded* НКО и *embedded* гражданское общество⁶).

Противопоставлять роли, которые играли медиа в «старых» и «новых» войнах, означает сопоставлять процессы и конструкции, разнородные по времени и качеству. Подобные сопоставления обычно проистекают из различных вариантов эволюционных теорий. Согласно этим теориям, история и общество развиваются линейно, прогрессивно и цивилизационно. Подобные теории основываются на относительно простых допущениях, таких как, например, развитие от раннего и простого к сегодняшнему сложному или поступательное развитие все усложняющихся производительных сил – откуда проистекает и общепринятый технологический детерминизм.

Французский постмодернизм также следует таким допущениям. Наиболее ясно это проявляется в оценке роли медиа в войне Полем Вирильо. Будучи под большим негативным впечатлением от разрушительной военно-технической мощи американского оружия в ходе Войны в заливе 1991 г., в своих эссе, написанных в ходе этой войны, он аподиктически предрекает конец традиционного взаимодействия войны и медиа. Уже тогда Вирильо громко говорил об этой войне как о «переломной», «первой чистой медиавойне» и т. п. Однако подобная

---

⁵ См. [Deleuze 1993, 254]. Заимствование терминов «дисциплинарное общество» и «общество контроля», разумеется, не означает принятия автором всех новых французских теорий постмодерна. То, что критическая теория называет внутренней и внешней зависимостью, и то, что Дэвид Рисман называет внутренним и внешним направлением, – оба эти термина Делёза и Фуко выражают суть очень точно как лингвистически, так и теоретически.

⁶ *To embed* – «включать, внедрять, интегрировать» (англ.), соответственно, речь идет о включенной журналистике, включенных НКО, о включенном гражданском обществе. – Прим. ред.

технико-детерминистская позиция в духе Вирильо должна была подтвердиться и в случае последующих «нормальных» наемнических и партизанских войн в Руанде, Боснии и Косове. Во время войны в Руанде значительную роль сыграла «старинная» технология радиопередач: вместо того, чтобы применять изощренные манипулятивные стратегии, эти радиопередачи попросту проповедовали ненависть. А в ходе войны в Косово сербская армия успешно обманывала американские ВВС при помощи муляжей танков из простого картона в камуфляжной раскраске, в результате чего за всю войну высокотехнологичные ВВС США из многих сотен сербских танков смогли уничтожить только 14. И даже в ходе нынешней войны в Ираке «допотопные» рукопашные схватки в извилистых переулках Фаллуджи успешно сосуществуют рядом со спутниковыми технологиями и с комбинированным широкомасштабным применением тандема Голливуд/Пентагон. С военно-стратегической точки зрения это означает, что опубликованная в 2000 г. военная доктрина США «Совместное видение 2020» с ее акцентом на применение информационных технологий останется актуальной в такой же мере, как и «Доктрина комбинированных городских операций», опубликованная двумя годами позже. Партизанская война в джунглях меж городских высоток⁷ – столь же типичный театр военных действий XXI в., как и электронная медиасреда.

Таблица 1

Старые и новые медиастратегии в ходе войны

ПРЕЖНИЕ ВОЙНЫ	СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ
1. Журналистика	1. Пиар
2. Общественное мнение	2. Общественное мнение как покупаемый и продаваемый товар
3. Разнообразный медиаконтент	3. Однообразный медиаконтент (не зависящий от медиа, не зависящий от страны), перемешанный в медиамиксе
4. Контент от различных игроков	4. Контент от немногочисленных и централизованно управляемых игроков (информационные агентства, CNN, Пентагон, НАТО)
5. Множество изображений	5. Повторяющиеся изображения иконического характера

⁷ NB: В те времена, когда Советский Союз сбил беспилотный разведывательный самолет США над своей территорией, совершил первый пилотируемый космический полет, когда США вынудили Кубу демонтировать советские ракетные базы, во времена, когда канцлер Германии Конрад Аденауэр настаивал на том, что Бундесвер должен быть оснащен собственным ядерным вооружением, другими словами, в те времена, когда война всюду отождествлялась с высокими технологиями, в 1961 г. во Франции выходит книга Роже Тринкье «Современная война». Война, которую автор в своем руководстве по ведению боевых действий называл тогда «современной» и которую мы бы сегодня назвали «постмодернистской», является по своей сути контрпартизанской. В своей книге этот французский генерал – с опытом боевых действий в Алжире и Индокитае – утверждает, что современная война не имеет ничего общего с высокими технологиями и что она больше связана с пытками, шантажом, репрессиями против гражданского населения, чрезвычайным положением, эскадронами смерти и систематическими исчезновениями людей [Trinquier 1961].

ПРЕЖНИЕ ВОЙНЫ	СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ
6. Иногда больше, иногда меньше текстовой информации	6. Перенасыщение неизменно однотипной и самоповторяющейся текстовой информацией
7. Малая дифференциация мейнстримных и альтернативных медиа	7. Рост числа малых и дешевых нишевых заменителей и суррогатов медиа (комиксы, блоги, телефонные сети, электронная почта, рассылки, чаты) как реакция на дорогостоящую, централизованную и систематическую информационную войну
8. Непримируемая критика медиа беспокоит военную часть общества (исключение)	8. Рассчитанная критика медиа является составной частью ведения войны (включение)

Таблица 2

Война и медиа: структура и содержание в различные эпохи

ЭПОХА	ВОЙНА	ПРИМЕРЫ			МЕДИА
Премодерн	Обструктивная война (Тактика)	Хроника	Крестовые походы	Хронист	Слово
Модерн	Деструктивная война (Стратегия)	Цензура	Вьетнамская война	Телевидение	Изображение и звук
Поздний модерн	Коммуникационная война (Логистика)	Информационный менеджмент	Вторая война в Персидском заливе, югославские войны	СМИ и ИКТ	Медиамикс, Телеакция

Вслед за пионерами модернистской критики прогресса, такими как Макс Вебер, Фердинанд Теннис, Зигмунд Фрейд, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Гюнтер Андерс и Ханс-Петер Дюрр, модерн и поздний модерн следует описывать в терминах «неодновременности одновременного» и «структурной гетерогенности»⁸, причем в ходе исторического развития происходит лишь ускорение этих характеристик. Глобализация есть особенно динамичная фаза этого развития. Противоречивые и гетерономные процессы сейчас наиболее четко проявляют себя.

Конечно, если рассуждать одномерно и эволюционно, то можно прийти к выводу о простом параллелизме военных и медийных технологий в их структуре и содержании, что, собственно, и показывает табл. 2. Содержание, представленное в этой таблице, имеет следующие характеристики.

⁸ Понятия «неодновременность одновременного» и «структурная гетерогенность» были открыты европейскими переводчиками латиноамериканских теоретиков зависимого развития в 60–70-х гг. XX в. почти как новинки. Узкий кругозор экономистов-теоретиков зависимого развития не позволил им заметить, что феномен «неодновременности одновременного» в качестве важнейшей эстетической характеристики современности еще в 1926 г. был описан Вильгельмом Пиндером в книге «Проблема поколения в истории европейского искусства» [Pinder 1926].

1. В преодолении редукционизма как чистой содержательности в построении образа и имиджа врага в мейнстриме (даже критическом) постулируется конгруэнтность содержания и технологии/структуры: как соотносятся друг с другом военный медиаконтент и медиатехнологии.

2. Кроме того, эта таблица предполагает существование исторического развития в принципе. Пожалуй, это важно, поскольку существует ряд ученых-гуманитариев, которые утверждают, что с античных времен в отношениях война/медиа ничего не изменилось и что тогда, как и сейчас, мы имеем дело с цензурой и ложью, и ничего с этим поделать нельзя, тем более что в военное время стремление государств к секретности и безопасности вполне объяснимо.

3. К тому же данная таблица предполагает, что должен существовать богатый эмпирическими данными подробный анализ отношений война/медиа в ходе предыдущих войн и что этот анализ дает основания для обобщений, изложенных в этой таблице. Однако исторические материалы, тексты, первичные и вторичные документы (не говоря уже об изображениях, функция которых еще недостаточно исследована)⁹ и политические интересы воюющих сторон были и остаются настолько различными и динамически изменчивыми, что систематизации, предложенной в табл. 2, можно придавать только эвристическое значение.

Если же рассуждать не эволюционно, но многополярно и диалектически, т. е. исходя из динамизирующей структурной гетерогенности, неизбежно возникают трудности с графическим представлением положений табл. 2 – скорее эту матрицу следовало бы визуализировать в форме спирали, вращающейся со все большим ускорением.

Милитаризация коммуникации

Более чем показательно то, что на недавнем «Всемирном саммите по вопросам информационного общества», организованном ООН и «Международным союзом проводной связи» в конце 2004 г., была лишь едва затронута тема, которая в действительности должна быть в центре любого обсуждения международной медиаполитики, а именно тема милитаризации коммуникации. Эта тема является наиважнейшим, а не частным аспектом международной медиаполитики, поскольку именно военный сектор, а не гражданский, использует подавляющую часть медиаресурсов для себя и своих военных нужд. Преобладание военного сектора над гражданским становится особенно заметным, когда речь заходит о распределении электромагнитного спектра и радиочастот спутниковой связи. В этих двух сферах – сердцевине и лакомом кусочке любой (!) капиталистической экономики – военные субъекты и военное применение преобладают над

---

⁹ Инновационные и новые взгляды на этот счет предлагаются в работах [Holzer 2003; Paul 2004; Knieper, Müller 2005].

гражданскими с безусловным перевесом. И, хотя соотношение числа военных и гражданских спутников оценивается как $\frac{2}{3}$ к $\frac{1}{3}$, *подробности* соотношения военного и гражданского использования электромагнитного спектра остаются неизвестными. Так, например, после вступления Болгарии в НАТО в 2004 г. общественности лишь случайно стало известно соотношение гражданского и военного назначения радиочастот. Если раньше это соотношение в Болгарии (которая, кстати, уже во времена СЭВ демонстрировала хорошие достижения в области телекоммуникаций и IT-технологий) составляло 32 % военного на 68 % гражданского назначения, то в 2001 г. в ходе переговоров о присоединении НАТО потребовало от Болгарии увеличения доли военных радиочастот с 32 до 51 %, что означало сокращение гражданского ресурса с 68 до 49 %.

Однако в большинстве случаев информация о подобном распределении частот остается скрытой, как и информация о доле качественного высокочастотного диапазона, используемой для нужд военной коммуникации. Исследования подобных вопросов до сих пор отсутствуют. И научный анализ данного аспекта невозможен, поскольку это якобы ставит под угрозу национальную безопасность. Но с уверенностью можно констатировать следующее: подобное чрезмерное преобладание ресурсов военного назначения, во-первых, осуществляется за счет гражданского сектора, а во-вторых, лишает страны третьего мира необходимых им радиочастот (например, государства с обширными территориями).

Кроме того, если сравнить политическую культуру 70-х гг. XX в. с культурой дискуссии в ходе вышеупомянутого саммита 2004 г., то бросается в глаза резкая деполитизация НКО. И если в ходе дебатов в рамках ЮНЕСКО о новом международном информационном порядке в конце 70-х гг. XX в. НКО еще поднимали вопрос о милитаризации коммуникации, то спустя 30 лет на Всемирном саммите в Женеве НКО этим вопросом уже не интересовались.

Рассмотрение вопроса о милитаризации коммуникации не подразумевает подробного анализа соответствующего медиаконтента, т. е. конструирования образа врага или милитаризации языка (поскольку этим в первую очередь занимаются наука о коммуникации и ирениология), скорее речь должна идти о структуре, а не о содержании, т. е. о техническом контроле военных над производством, применением и распространением информации, над приобретением и управлением массмедиа, над информационными технологиями и телекоммуникациями. И научные исследования именно этих аспектов крайне малочисленны.

Определить и проанализировать милитаризацию коммуникаций в вышеозначенном смысле иногда даже проще, чем кажется, однако систематически и в глобальном масштабе эти структуры никто еще не исследовал. Я имею в виду даже такой технологически простой пример, как телевидение. Показательно уже то, что у немецких фашистов ответственность за развертывание

современной телевизионной сети до 1935 г. лежала не на гражданском Министерстве пропаганды под руководством Йозефа Геббельса, а на главнокомандующем Люфтваффе Германе Геринге (см. [Reiss 1979; Zeutschner 1995]). Поэтому сейчас важно трезво отдавать себе отчет в том, что во многих странах военные обладают собственным значительным медиааппаратом, при помощи которого они обращаются к «своему народу». Так, например, греческие военные контролировали греческое общенациональное телевидение с 1951 по 1982 г.¹⁰, а в соответствии с Законом о радиовещании 1955 г. Министерство обороны Таиланда (армия, флот, ВВС) контролирует 223 из 524 радиостанций страны, т. е. 42,55 %. В Бирме, помимо государственного (консервативного) телеканала *MRTV* от *Myawady Television*, с 1995 г. существует собственная (современная) телестанция военных [U Kyi Win 2001, 236], а в КНР на пост председателя Совета директоров *Phoenix Satellite Television Holdings Ltd.* (китайский телевизионный концерн из Гонконга, в котором свою долю имеет медиакорпорация Руперта Мёрдока) был назначен Лю Чан Ле, бывший полковник китайской Народно-освободительной армии и военный радиокорреспондент, который тем самым возглавил один из крупнейших в мире телеканалов с аудиторией, превышающей миллиард зрителей.

На милитаризацию современного информационного общества, разумеется, указывают и другие факты, из которых здесь стоит упомянуть еще два.

Во-первых, следует обратить внимание на все возрастающее участие в медиамаркетинге войны действующих от имени правительств различных пиар-агентств. Так, например, Мира Бехам и Йорг Беккер доказали, что в ходе югославских войн с 1991 по 2002 г. американские пиар-агентства заключили 157 договоров с различными балканскими правительствами (Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Черногории, Сербии, Македонии, Республики Сербская Краина, премьер-министром Югославии Миланом Паничем, правительствами Республики Сербской, Союзной Республики Югославия и Республики Косово) на то, чтобы представить имидж югославских войн внутри США, а тем

---

¹⁰ См. [Zacharopoulos, Paraschos 1993]. Любопытным в примере с Грецией является тот факт, что смена военного контроля телевидения на гражданский происходила не одновременно с политическим переходом от фашизма к демократии, т. е. произошла не сразу после свержения военной хунты в 1974 г., а лишь восемь лет спустя. Также стоит отметить, что Греции удавалось сохранять и развивать свое военно-государственное телевидение в течение целого года после вступления в ЕС 1 января 1981 г. Смена контроля произошла в 1982 г. по инициативе социалистической партии ПАСОК. Формально-юридически это было всего лишь переходом из военного в гражданский сектор, поскольку контролируемые военными телеканалы *ET1*, *NET* и *ET3* были объединены с телеканалом *ERT2*, контролируемым гражданскими властями. По сути же это означало переход с военного на коммерческий медиаконтент (хотя и в мягкой форме, поскольку доходы от рекламы дополнялись государственным финансированием). Подобный переход из военного сектора в коммерческий произошел также в ряде телевизионных систем развивающихся стран в результате окончания конфликта Востока и Запада. На это, конечно, не повлиял формально-правовой статус этих систем, т. е. перешли ли они в государственное, общественное или региональное подчинение.

самым и глобальный имидж, за общую сумму не менее двенадцати миллионов долларов, в интересах соответствующего государства-заказчика по принципу *comme tu veux* («как пожелаете», фр.) [Becker, Beham 2006].

Во-вторых, следует упомянуть об огромных человеческих ресурсах, задействованных для привлечения внимания массмедиа к деятельности оборонных министерств. Так, например, в составе немецкого Министерства обороны и Бундесвера числится около 2000 штатных сотрудников для работы с массмедиа. В их число входит несколько сотен специалистов по связям с общественностью в штате самого министерства, сотрудники собственных медиа Бундесвера и сотрудники батальона оперативной информации в Майене на Айфеле¹¹. Если вы хотите узнать соотношение числа нанятых правительством медиарботников по вопросам войны и обороны с числом нанятых правительством журналистов по вопросам поддержания мира, чтобы показать создаваемый государством дисбаланс, то это соотношение равняется 2000 к нулю, поскольку журналисты по вопросам поддержания мира просто отсутствуют. Поэтому взамен мы приведем соотношение с числом ученых, занятых этими вопросами (иренологов). На 2000 нанятых правительством и занятых на постоянной основе штатных сотрудников по вопросам войны и обороны в Германии приходится (предположительно) около 60 нанятых правительством и занятых на постоянной основе штатных сотрудников по иренологии. То есть на одного правительственного ученого-иренолога в Германии приходится 35 специалистов по связям с общественностью по вопросам обороны, войны и вооружений.

Общество контроля: IT и контроль сверху и извне

Учитывая предполагаемую тройственную технологическую конвергенцию информационных технологий, телекоммуникаций и телевидения [Bartosch 1998; Fischbach 1998], концепцию общества контроля Жилия Делёза как в военном, так и в гражданском аспекте следует применять двояким образом. Контроль сверху и извне осуществляется при помощи IT-технологий, контроль снизу и изнутри – при помощи массмедиа и телевидения.

Несмотря на то, что контроль над информацией со стороны вооруженных сил и разведывательных спецслужб – явление далеко не новое, современные IT-технологии позволили значительно повысить качество контроля именно в этой области. Парадигматическим примером этого является созданный в конце 1990-х гг. проект *ECHELON*¹². Речь идет о глобальной системе мониторинга и контроля, проще говоря, прослушки факсимильных, телексных, электронных сообщений и телефонных звонков спецслужбами США. В рамках проек-

---

¹¹ Айфель – нагорье на западе Германии. – Прим. ред.

¹² *ECHELON* («Эшелон») – название проекта глобальной системы радиоэлектронной разведки, разработанного первоначально в рамках соглашения между США и Великобританией. – Прим. ред.

та *ECHELON* США сотрудничали с полицией и вооруженными силами других стран. После 11 сентября 2011 г. Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (*DAPRA*) был разработан проект «Тотальная информационная осведомленность» (*TIA*), по своей эффективности значительно превосходящий проект *ECHELON*. Эта новая глобальная система прослушки предназначена для проверки всей доступной информации на предмет наличия признаков террористической деятельности и террористических объединений [Tuschl 2004, 112]. При этом в кулуарах специалисты по спецслужбам выдвинули занимательный тезис. Именно спецслужбы больше всех заинтересованы в общении посредством Интернета. Интернет в этом смысле послужил системным ответом на тот факт, что в фундаментальных исследованиях по распознаванию речи не ожидается никакого прогресса¹³. А поскольку распознавать текст гораздо проще, Интернет является идеальной средой для таких систем контроля, как *ECHELON* и *TIA*.

После террористических атак 11 сентября 2001 года и провозглашения приоритета национальной безопасности над правами человека все связанные с информацией права во многих западных развитых странах были значительно ограничены и дополнительные меры государственного контроля и репрессий стали применяться ко всему информационному сектору. Фреймут Дюве, до недавнего времени комиссар ОБСЕ по свободе СМИ, прокомментировал эту ситуацию следующими словами: «После 11 сентября с идеей правового государства в США и Европе было покончено» (цит. по [Ramonet 2001, 6]). Вот несколько примеров этого:

1. В дополнение к недавно санкционированному Конгрессом США праву на прослушку телефонных звонков и чтение электронной почты, с середины ноября 2001 г. власти США получили право без разрешения суда прослушивать устные переговоры адвокатов со своими клиентами в том случае, если есть основание предполагать, что тем самым можно предотвратить акт насилия или террора.
2. Новые антитеррористические законы позволяют правоохранительным органам США получать доступ к иностранным компьютерным хакерам, даже если они совершают свои преступные действия за пределами США. Единственное юридическое условие, которое должно быть соблюдено, заключается в том, что хотя бы частично уголовно наказуемое деяние должно быть совершено в США. Для этого достаточно, чтобы трафик маршрутизации данных проходил через территорию США. Но ведь под это условие подпадает более 80 % всех мировых компьютерных коммуникаций. (Эти новые компьютерные законы продолжают давнюю и зловещую американскую традицию национальных законов экстерриториального действия.)

---

¹³ NB: Кроме того, если смотреть ретроспективно, можно заметить, что технологический детерминизм очень часто кружил людям голову. Так, например, еще в 1956 г. один известный американский ученый предсказывал, что уже в 1961 г. появятся первые функциональные коммерческие компьютеры-переводчики (см. [Locke 1956]).

3. После 11 сентября 2001 г. в Великобритании была создана база данных, хранящая записи всех телефонных и электронных сообщений всех граждан. Несмотря на серьезные опасения британских специалистов по защите данных, почти все следственные органы сейчас имеют практически неограниченный доступ к записям сообщений любых подозреваемых, а не только подозреваемых в терроризме.

4. Ссылаясь на положения «Закона о патриотизме», принятого осенью 2001 г., власти США требуют от всех пассажиров авиарейсов предоставить конфиденциальную информацию об их путешествиях. Когда американская авиакомпания *Jet Blue Airways* передала Пентагону личные данные почти пяти миллионов своих пассажиров, Европейская комиссия в Брюсселе одобрила соответствующие требования США, даже несмотря на то, что парламент ЕС (с его конституционной нерелевантностью) с возмущением выступил против.

5. С начала 2005 г. Министерство юстиции Германии (безапелляционно) планирует организовать антиконституционное трехлетнее хранение данных всех телефонных, факсимильных, СМС и электронных сообщений, оправдывая это целью борьбы с терроризмом.

Но события 11 сентября 2001 г., положившие начало информационным репрессиям со стороны государства, явились лишь катализатором тех тенденций, которые имели место и до этих событий. Также несколько примеров:

1. Видеокамеры контролируют все большее число общественных мест в развитых странах Севера. К концу 1990-х годов считалось, что Великобритания является лидером в области городского видеонаблюдения; к этому времени около пятисот муниципалитетов уже ввели повсеместное видеонаблюдение на автомобильных дорогах¹⁴.

2. Всего несколько лет назад несколько компаний начали фотографировать здания в отдельных муниципалитетах Германии и хранить полученные изображения в трехмерных электронных базах данных.

3. Внедренная в Германии спутниковая система оплаты проезда по автомагистралям привела к созданию системы полного контроля передвижений как грузового, так и легкового транспорта.

4. Камеры высокого разрешения на борту спутников наблюдения теперь имеют разрешение в 1 метр, т. е. камера, расположенная в космосе, может обнаруживать точку на Земле, когда она находится всего в одном метре от следующей точки. Из космоса можно теперь наблюдать как за соседским садом, так и за политическими демонстрациями, пробками или сражениями в пустыне в ходе грядущих войн в Персидском заливе. Использование спутниковых камер высокого разрешения резко возросло после указа президента США, отменившего спутниковую монополию американских вооруженных сил в 1994 г.

В настоящее время существует четыре частных спутниковых оператора – *Space Imaging*, *Earthwatch* и *Orbimage* в США и *Spot Image* во Франции, способных предоставить изображение любой желаемой точки на Земле любому платежеспособному клиенту. Вероятно, в скором времени число подобных компаний возрастет до двадцати; по прогнозам некоторых экспертов, оборот каждой из них может составлять

---

¹⁴ См. подробнее о видеонаблюдении [K.u.u.g.e.l. 2003].

до трех миллиардов евро в год. Передавать подобные технологии в коммерческий сектор имеет смысл только в том случае, если военный сектор считает, что камеры высокого разрешения на борту военных спутников работают с гораздо большей точностью. И в самом деле, камеры на борту американских военных спутников *КН* или *Big Bird*¹⁵ имеют разрешение около десяти сантиметров и способны различить нос на лице любого человека.

Правительство США совершило довольно странный откат в политике приватизации космической отрасли осенью 2001 г. в Афганистане. Незадолго до начала войны, раскаявшись в политике приватизации, начатой в 1994 г., Пентагон присвоил себе права на все изображения, сделанные лучшим в мире коммерческим спутником *Ikonos* компании *Space Imaging*, другими словами, обеспечил себе эксклюзивную и бессрочную монополию, вопреки всем рыночным законам и всем представлениям о медиаплюрализме, на сумму в два миллиона долларов ежемесячно в течение неограниченного времени.

Общество контроля: телевидение и контроль снизу и изнутри

Вопрос о контроле при помощи ИТ-технологий, и прежде всего телевидения, выходит за рамки вопроса о господстве правительств и частных компаний, особенно в том, что касается повседневной жизни людей. В развитых странах в начале XXI в. социализация означает в первую очередь медиасоциализацию. В качестве агентов социализации массмедиа вносят значительный вклад в процесс социального обучения, благодаря которому члены общества осваивают различные социальные нормы и ролевые установки. Понятие интеграции невозможно отделить от понятия социализации. Массмедиа являются важнейшими агентами интеграции в социальные коммуникации. Этот аспект особенно актуален для большинства молодых национальных государств, обретших независимость после 1960-х гг.

Социальный контроль при помощи телевидения вызывает различные опасения. Во-первых, происходит замена первичной социализации вторичной, т. е. медийный опыт увеличивает отчуждение, во-вторых, содержание предлагаемой массмедиа информации зачастую является этически сомнительным и неприемлемым для демократической общественности. Уже в 1970-е гг. Луис Рамиро Бельтран, отец латиноамериканской науки о коммуникации, выделил следующие двенадцать элементов в качестве базовых принципов, присутствующих в телепередачах в большинстве стран: индивидуализм, элитаризм, расизм, материализм, авантюризм, консерватизм, конформизм, пораженчество, фатализм, фиксация на авторитете, романтизм и агрессивность (см. [Beltrán, Fox de Cardona 1980]). Кроме того, рост числа телеканалов за счет кабельного и спутникового телевидения с начала 1980-х гг. привел не к усилению плюрализма мнений, но лишь к укреплению этих двенадцати базовых принципов. Этот отрезвляющий

---

¹⁵ *КН* – *Key Hole*, англ. (букв. «замочная скважина»), *Big Bird* («большие птицы») – название серии американских военных спутников видовой разведки. – Прим. ред.

опыт свидетельствует о том, что увеличение числа телеканалов не обогатило медиаконтент, но привело лишь к умножению неизменного содержания. Выполняемую телевидением социальную функцию лингвистически метко и точно охарактеризовал Ноам Хомский в названии своей книги и одноименного фильма – «*Фабрика консенсуса*»¹⁶, а также в термине «консенсус без консенсуса», который он заимствовал у английского социолога Энтони Гидденса¹⁷.

Информационный контроль особенно трудно выявить в тех случаях, когда он, казалось бы, осуществляется с согласия контролируемых. Но именно в этих случаях находит свое подтверждение идея Жюль Делёза об обществе контроля: контролируемым комфортно находиться под контролем, они любят и усваивают его. В телевизионной сфере подобный усвоенный контроль можно ярко проиллюстрировать на примере сериала «*Большой брат*», запущенного в Нидерландах в 1999 г. По замыслу этого сериала 24 камеры 24 часа в сутки снимают жизнь запертых в квартире «добровольцев». Периодически наблюдающие за ними телезрители при помощи телефонных звонков или интернет-сообщений заставляют одного из участников покинуть квартиру и выйти из игры. Контролируют ли телезрители игру? В чем разница между игроками и зрителями? В ком из них больше цинизма?

Если до 1980-х гг. социальный контроль при помощи массмедиа являлся результатом, следствием и функцией преднамеренных действий государств и правительств, то с началом процесса дерегулирования медиа под знаменем неолиберализма этому пришел конец. Политика дерегулирования была и остается самоустранением политики как таковой и означает передачу массмедиа под исключительный контроль со стороны рынка.

Информация без границ

Представление о коммуникации без пространственно-временных ограничений не несет в себе гуманитарного потенциала, скорее, в подобном видении проявляют себя стремления общества контроля к «мягким» формам господства и присвоения. Если прежнее дисциплинарное общество полагалось на грубое насилие, то новое общество контроля полагается на мягкую информацию. В основе представления об информации без границ лежит идея осуществимости всемогущества и стремление к нему, наряду со стремлением преобразовать человеческую коммуникацию в овеществленную информацию. Если «всемирное братство» может быть реализовано только при содействии рынка продажи информации (т. е. медиарынка), подобное братство – всего лишь элемент идеологии. Согласно Карлу Марксу, такие состояния называются отчуждением, т. е. состоянием, «при ко-

---

¹⁶ Англ. название книги *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. – Прим. ред.

¹⁷ См. [Chomsky 1996; 2002]. Здесь следует, безусловно, отметить, что эти формулировки Хомского несравненно лучше, чем его вульгарно-марксистская и довольно механистическая теория политической коммуникации.

тором собственное действие человека становится чуждой, противостоящей ему силой, которая поработывает его и не подчиняется ему» [Marx 1971, 361]. Но именно подобное самоотчуждение и проистекает из беззастенчивого неравенства, лежащего в основе современного глобализованного информационного рынка¹⁸.

Обществоведческие и политические дебаты последних десятилетий, посвященные проблеме социальной значимости культуры и медиа, вывели на первый план идею «мягкого» (и только мягкого) господства в качестве единственной политической стратегии. И насколько прежнее дисциплинарное общество стремилось к исключению, а потому в нем и могло сформироваться сопротивление централизованным институтам, господствующим в сфере культуры и медиа, – правда, при этом все сопротивляющиеся и альтернативные культуры рисковали стать интегрированными и примиренными всеобщей господствующей системой (таково главное положение «классической» работы Йоханнеса Аньоли *Трансформация демократии*, см. [Agnoli, Brückner 1968]), – настолько нынешнее общество контроля включает в себя культуру и медиа уже без всякого их сопротивления и делает это именно «мягко». Обобщенно (и, разумеется, с положительной оценкой) эти теоретические выводы подтвердил Рихард Кюнель, член кабинета австрийского еврокомиссара по расширению и политике соседства Бениты Ферреро-Вальднер. Он сделал это в своей лекции «Культура как компонент внешней политики Европы?», прочитанной им в рамках конференции «Культура, власть, Европа», прошедшей в Берлине в июле 2007 г.

Эта лекция не только изобилует (в чрезмерных масштабах) типичными инклюзивными понятиями, такими как «перемешивание», «единство в многообразии», «общие ценности и понятия», «партнерство», «общее наследие», «культурные связи», «диалог» и т. п. (все эти понятия всего лишь выражают языковыми средствами господствующую идеологию инклюзивности), но и содержит в себе (псевдо)социально-философские рассуждения. Автор постулирует следующее: «Посредством нашей культурной политики мы стремимся стабильно и эффективно транслировать наши европейские ценности и интересы. [...] При этом мы следуем кротким, но надежным путем убеждения. Это не значит, что ЕС не должен продолжать работу по укреплению своей “жесткой силы”, но мы и не должны недооценивать нашу “мягкую силу” “Мягкая” – не значит слабая, а “жесткая” – не значит эффективная» [Kühnel 2007, 1–2].

Попытки превратить коммуникацию в товар¹⁹, будь то в ходе переговоров по ГАТС²⁰ или в рамках Европейской комиссии по вопросам конкуренции, яв-

---

¹⁸ См. следующие работы: [Ramonet 1999; Leidinger 2003; Pilger 2004; Thomas, Nain 2004; Becker 2005].

¹⁹ См. (давнишняя статья) [Chakravarthi 1990] и (более новая статья) [Smiers 2003].

²⁰ ГАТС – Генеральное соглашение по торговле услугами (англ. *General Agreement on Trade in Services*) Всемирной торговой организации (ВТО), в результате переговоров вступившее в силу в январе 1995 г. – Прим. ред.

ляются последним логическим шагом в том экономическом развитии, которое уже не остановить в сегодняшних политических условиях. Поэтому обречены на провал продолжающиеся усилия либеральных интеллектуалов, стремящихся спасти концепцию культуры как автономной сферы, свободной от удушающих рамок экономики. Эти усилия проявлялись в ходе разработки «Конвенции ЮНЕСКО о защите разнообразия культурного содержания и художественных форм выражения», в дискуссии о «[культурной] свободе в нашем мире разнообразия», содержащейся в последнем «Докладе о развитии человека за 2004 г.», но все они являются в лучшем случае частными благонамеренными инициативами, т. е. воскресной проповедью, или, проще говоря, продуктом идеологии.

В условиях глобального господства неолиберализма информационный рынок порождает одну зловещую статистику за другой, и с неизбежностью в рамках этой системы богатые информацией становятся все богаче, а бедные – все беднее. И подобные системные ограничения нельзя просто отменить волюнтаристским решением. Тем более не способна исправить ситуацию давно уже структурно деформированная помощь развивающимся странам. Информационный рынок – золотой телец так называемой экономики знаний – превратился уже в своеобразную божественную инстанцию, которая судит о том, насколько твоя жизнь богоугодна. Если вы преуспеете на этом рынке, то будете располагать информацией в изобилии, если нет – он ввергнет вас в самый мрачный ад информационной нищеты, на периферию, окраину, в меньшинство.

Хотя анализ, представленный здесь, противоречит доминирующей в настоящее время технологически детерминированной эйфории всех тех, кто видит в Интернете потенциал для глобальной реализации интерактивной коммуникационной демократии, с исторической точки зрения он может сослаться на довольно значительных предшественников. Все главные исследователи тогда еще молодой дисциплины – науки о коммуникации, будь то Карл Бюхер, Отто Грот, Уолтер Липпман или Макс Вебер, выражали хорошо обоснованную озабоченность тем, что экономически корыстная ориентация массмедиа способна повредить их публицистической ориентации на интересы общества.

Размышления о медиакulturе, служащей делу мира

Что остается после подобной «рубки леса»? Какие выводы следуют из этого анализа? Какие варианты действий остаются возможными? Вот несколько заключительных замечаний по этому поводу.

Во-первых, было обозначено и обосновано различие между терминами «коммуникация» и «информация» (см. [Becker 2002a]). По многим причинам, на которых в рамках этой работы невозможно подробно остановиться, коммуникация ускользает от полного превращения в рыночный товар. И если информация в настоящее время окончательно трансформировалась в товар, доступный для инвентаризации и продажи, коммуникация частично ускользает от подоб-

ной трансформации. Люди продолжают коммуницировать и вне пределов рыночных отношений. Благодаря этому становится возможным уклонение и сопротивление. Люди могут вполне обоснованно уклоняться от предписываемых сверху норм массмедиа и политики (именно так уже давно и поступают в странах Западной Европы) или активно им сопротивляться (на Юге так поступают чаще, чем на Севере).

Во-вторых, было показано, где ирелогические исследования свернули в неверном направлении, а именно: в том, что их идеологическое понимание практики отдалилось от своих первоначальных критических истоков, из-за чего они утратили новаторство, остроту, критичность и перестали играть роль тревожного «гласа, вопиющего в пустыне», а вместо этого постепенно и незаметно выродились в этакую административную науку о стабилизации господства, которой чуждо требование перемен в медиакультуре мирного времени.

Именно в этом контексте будет уместно высказать те восемь требований перемен в медиакультуре мирного времени, которые я впервые сформулировал в экспертном заключении, представленном немецкому Обществу технического сотрудничества (GTZ)²¹ в 2002 г.:

1. Увеличение публикаций именно той информации, которая может способствовать мирному разрешению конфликтов.
2. Отказ от демонизирующих предрассудков по отношению к противнику.
3. Привлечение внимания публики к скрытым ошибкам восприятия, особенно когда речь идет о спорных вопросах.
4. Новое определение массмедиа как своеобразной социальной системы раннего оповещения о потенциальных источниках опасности.
5. Вовлечение противника в мирные переговоры по разрешению конфликтов.
6. Более активное и позитивное освещение деятельности миротворческих сил.
7. Создание общественного климата в духе примирения.
8. Создание возможностей для диалога и коммуникации с миротворческими силами противника.

Эти требования не являются невыполнимыми. Однако они могут быть реализованы лишь в рамках такой стратегии медиаполитики, которая будет направлена на превращение массмедиа из их нынешнего статуса частного бизнеса в общественное благо. В противном случае эти требования – всего лишь «игра в бисер», и можно не тратить время, консультируя правительственные

---

²¹ См. [Becker 2002b]. Свою критику GTZ я изложил в сокращенной англоязычной версии названного исследования, см. [Becker 2004, 2, сноска 1]. (GTZ – аббревиатура от нем. *Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit*, Общество технического сотрудничества. – Прим. ред.)

учреждения наподобие GTZ, как я и сам теперь понял после своего опыта работы с этой организацией. При этом смириться с глобализацией, приватизацией и полным отчуждением информационных потоков парадоксальным образом означает также смириться с тем, что массмедиа являются и будут являться игрушкой и тайным соучастником терроризма, пиар-манипуляций и оплаченных военных сводок.

Именно поэтому я и назвал свою лекцию «информационная революция пожирает своих детей». Выражение «пожирает своих детей» – парафраз заглавия «классической» книги Вольфганга Леонгарда *Революция отвергает своих детей* (1955), а под «детьми» я понимаю цель, преследуемую информационными стратегиями, т. е. «Просвещение». Несмотря на то, что все четыре когнитивные революции человечества (язык, письменность, печать, компьютер) одинаково были связаны с обещанием предложить человеку все большее количество информации, со временем они все меньше и меньше могли выполнять это обещание. Информационное загрязнение, а не Просвещение, стало нормальным состоянием так называемого современного информационного общества.

В-третьих, учитывая плачевное поражение, которое потерпели основные массмедиа при созидании культуры мира, призыв их главного героя к альтернативным средствам массовой информации быстро стал бессодержательным ритуалом компенсации собственного социального бессилия. Этот призыв упускает из виду, что альтернативные медиа уже давно выполняют социальную функцию инновационных циклов Шумпетера в стабилизирующем процессе социальной диффузии в духе Эверетта Роджерса [Оу 2001] и со временем становятся излишними. К тому же если сравнивать их с основными массмедиа по подходам и паттернам восприятия войны, мира и международных отношений, то можно сделать вывод, что они скорее схожи, чем различны [Becker et al. 2004]. Однако при этом решение обратиться к альтернативным медиа не ошибочно, и это даже можно подтвердить эмпирическим примером. Во время войны в Косово Интернет выступил в роли качественного и ценного контр-медиа в противовес традиционным газетам *Süddeutsche Zeitung* и *New York Times* [Krempf 2004], но Интернет способен оставаться диалогичным и последовательным только в контексте общественного стремления обрести альтернативные медиастратегии, которые не будут постепенно сползать к контролю и доминированию.

В-четвертых, то, что коммуникация объединяет и что постепенное узнавание друг друга посредством сообщений массмедиа способствует примирению, – это две гипотезы, наиболее часто встречающиеся, но при этом опирающиеся на совершенно необоснованные предположения в рамках дисциплинарного самосознания как наук о коммуникации, так и ирелогии. Уже давно существуют эмпирические работы, усиливающие подозрение в том, что контакты,

установленные посредством массмедиа между субъектами, которые до этого не общались, не только не уменьшают числа предрассудков в отношении друг друга, но и, наоборот, укрепляют и стабилизируют их²². Я подозреваю, что на протяжении долгого времени социальные условия глобализации были таковы, что чрезмерно большое количество информации скорее способствовало вражде, чем уменьшало ее. В интересах же культуры мира нам потребуется не больше, а, вероятно, наоборот, меньше информации.

Литература

Agnoletti J., Brückner P. Die Transformation der Demokratie [The Transformation of democracy]. Frankfurt/M.: Europa, 1968. 198 p.

Bartosch A. Das Grünbuch über Konvergenz. Ein Beitrag auf dem Weg in die Informationsgesellschaft // Zeitschrift für Urheber und Medienrecht. 1998. No. 3. Pp. 209–220.

Beck U. Der militärische Euro. Humanismus und europäische Identität // Süddeutsche Zeitung. 1999 (April). Vol. 1. P. 17.

Becker J. Information und Gesellschaft. Wien: Springer, 2002a. 214 p.

Becker J. Der Beitrag der Medien zur Krisenprävention und Konfliktbearbeitung. Eine Analyse der internationalen Diskussion und Implementierungsmöglichkeiten mit Empfehlungen für die Technische Zusammenarbeit // Arbeitspapier 1/2002 des Sektorberatungsvorhabens Krisenprävention und Konfliktbearbeitung. Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit.

Becker J. Contributions by the Media to Crisis Prevention and Conflict Settlement // Conflict and Communication Online. 2004. Vol. 3 (1–2). URL: http://www.cco.regener-online.de/2004/pdf_2004/becker.pdf (дата обращения: 06.08.2020).

Becker J. Communication and Conflict. Studies in International Relations. New Delhi: Concept Publishers, 2005. 372 p.

Becker J., Beham M. Operation Balkan. Werbung für Krieg und Tod. Baden-Baden: Nomos, 2006. 130 p.

Becker J., Carfora A., Flatz Ch., Hartlieb M., Lanzinger A., Oberhofer T., Preglau-Hämmerle S. Das Bild des Auslandes und des Fremden in der Alternativpresse // Für eine Kultur der Differenzen. Friedens- und Dritte-Welt-Zeitschriften auf dem Prüfstand / Evangelische Akademie Iserlohn im Institut für Kirche und Gesellschaft (ed.). Iserlohn: Institut für Kirche und Gesellschaft, 2004. Pp. 9–76.

Beltrán L.R., Fox de Cardona E. Comunicación Dominada: Estados Unidos en los medios de América Latina. México: ILET-Nueva Imagen, 1980. 176 p.

---

²² Прежде всего следует сослаться на классический для ранних исследований предрассудков доклад – см. [Sola Pool 1965]. Также следует упомянуть следующие работы: [Popitz 1968; Moore, Tumin 1949; Schneider 1962; Dörner 1989, 144].

Bücher K. Das Zeitungswesen // P. Hinneberg (ed.) Die Kultur der Gegenwart: Teil 1, Abt. 1. Die Allgemeinen Grundlagen der Kultur der Gegenwart. Berlin/Leipzig: Teubner, 1906. Pp. 481–517.

Chakravarthi R. Recolonization. GATT, the Uruguay Round and the Third World. London: Zed Books, 1990. 319 p.

Chomsky N. Wege zur intellektuellen Selbstverteidigung: Medien, Demokratie und die Fabrikation von Konsens. München: Marino, 1996. 240 p.

Chomsky N. Profit over People. Neoliberalismus und globale Weltordnung. Hamburg-Wien: Europa, 2002. 167 p.

Deleuze G. Unterhandlungen: 1972–1990. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993. 272 p.

Dörner D. Die Logik des Misslingens. Reinbek/Hamburg: Rowohlt, 1989. 320 p.

European Broadcasting Union. 37th Meeting of the Television Programme Committee. London: European Broadcasting Union.

Fischbach R. Konvergenz – schwacher Begriff, starke Absicht. Eine Herausforderung demokratischer Medien- und Telekommunikationspolitik // Blätter für deutsche und international Politik. 1998. Vol. 12. Pp. 1479–1488.

Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976. 395 p.

Hacker F. Terror: Mythos – Realität – Analyse. Reinbek/Hamburg: Rowohlt, 1975. 424 p.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Luchterhand, 1962. 291 p.

Holzer A. (ed.) Mit der Kamera bewaffnet. Krieg und Fotografie. Marburg: Jonas, 2003. 183 p.

Knieper T., Müller M.G. (eds.) War Visions. Bildkommunikation und Krieg. Köln: Halem, 2005. 432 p.

Kühnel R. Kultural Komponente der Außenpolitik von Europa? Vortrag auf der Konferenz “Kultur–macht–Europa” der Kulturpolitischen Gesellschaft (7–8 июня 2007 г., Берлин, неопубликованная рукопись).

Kreml S. Krieg und Internet. Ausweg aus der Propaganda? Hannover: Heise, 2004. 237 p.

K.u.u.g.e.l. (ed.) Bildverbot. Wien: Triton, 2003. 180 p.

Leidinger Ch. Medien – Herrschaft – Globalisierung. Folgenabschätzung zu Medieninhalten im Zuge transnationaler Konzentrationsprozesse. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2003. 615 p.

Locke W.N. Translation by Machine // Scientific American. 1956. No. 1. Pp. 29–33.

Marx K. Die Frühschriften. Stuttgart: Kröner, 1971. 588 p.

Moore W.E., Tumin M.M. Some Social Functions of Ignorance // American Sociological Review. 1949. No. 14. Pp. 787–795.

Oy G. Die Gemeinschaft der Lüge. Medien- und Öffentlichkeitskritik sozialer Bewegungen in der Bundesrepublik. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2001. 292 p.

Paul G. Bilder des Krieges – Krieg der Bilder. Paderborn: Schöningh, 2004. 526 p.

Pilger J. Verdeckte Ziele. Über den modernen Imperialismus. Frankfurt/M.: Zweitausendeins, 2004. 348 p.

Pinder W. Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Berlin: Frankfurter Verlagsanstalt, 1926. 167 p.

Popitz H. Über die Präventivwirkung des Nichtwissens. Tübingen: Mohr, 1968. 25 p.

Ramonet I. Die Kommunikationsfalle. Macht und Mythen der Medien. Zürich: Rotpunkt, 1999. 184 p.

Ramonet I. Aus einer neuen Welt // *Le Monde Diplomatique* (dt. Ausgabe). 2001. Dezember, № 1. URL: <https://monde-diplomatique.de/artikel/!1135811> (дата обращения: 06.08.2020).

Reiss E. Wir senden Frohsinn. Fernsehen unterm Faschismus. Berlin: Elefant-en-Press, 1979. 231 p.

Said E.W. *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World*. New York: Pantheon, 1997. 272 p.

Schneider L. The Role of the Category of Ignorance in Sociological Theory // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. Pp. 492–508.

Shaheen J.G. *Reel Bad Arabs. How Hollywood Vilifies a People*. New York: Olive Branch Press, 2001. 574 p.

Smiers J. *Arts under Pressure. Promoting Cultural Diversity in the Age of Globalization*. London: Zed Books, 2003. 275 p.

Sola Pool I. de. Effects of Cross-National Contact on National and International Images // Kelman H.C. (ed.) *International Behavior. A Social-Psychological Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965. Pp. 106–129.

Thomas P.N., Nain Z. (eds.) *Who Owns the Media? Global Trends and Local Resistances*. Penang: Southbound, 2004. 330 p.

Trinquier R. *La Guerre moderne*. Paris: La Table Ronde, 1961. 199 p.

Tuschl R.H. *Der Informationskrieg der Nachmoderne. Vom Antagonismus der Weltordnung zum permanenten Krieg im kybernetischen Raum*. Münster: Agenda, 2004. 157 p.

U Kyi Win. Massenmedien in Birma. Ein Bericht über die aktuelle Situation // *Internationales Asienforum*. 2001. Vol. 32 (3–4). Pp. 319–336.

Zacharopoulos Th., Paraxou M. *Mass Media in Greece*. Westport, Connecticut: Praeger Publishers, 1993. 214 p.

Zeutschner H. *Die braune Mattscheibe – Fernsehen im Nationalsozialismus*. Berlin: Rotbuch, 1995. 174 p.

■

**INFORMATION REVOLUTION DEVOURS ITS CHILDREN.
INTERNATIONAL MEDIA-POLITICS UNDER CONDITIONS
OF THE TERROR, MILITARIZATION AND TOTAL OBLITERATION
OF BORDERS**

Jörg Becker²³,

Institute for Communication and Technology Research (KomTech)

Solingen, Germany;

Institute of Political Science at the University of Innsbruck

Innsbruck, Austria,

joerg.becker@komtech.org

The role of the growing mediatization of modern society in phenomena of terrorism and war and in strategies of peace-making is analyzed. It is demonstrated in detail that one of principal components of the modern terrorism is the orientation to the media-effect and the work with media. The manifold role of media in recent wars is discussed and compared to 'classical' wars of the past. Special attention is paid to the process of the 'militarization of the communication' that is the increasing of the part of media resources, which belong to the military sector or work for it or are controlled by it. An important component of this process is the large and willing attendance of military orders by leading PR-agencies in the world. On the other hand, in problems of the peace-keeping and relaxation of conflicts both media and scholars follow the wrong way adapting to interests and strategies of official institutions and corporations.

Another global process is the formation and consolidation of the 'society of control' (the concept introduced by Gilles Deleuze), in which media and IT are more and more subordinated to tasks of the control and surveillance of all citizen. Author's analysis confirms Deleuze's hypothesis that the controlled citizen quickly accept the control over them, get accustomed to it and begin to love it. In his final conclusions the author is leaning to the opinion that the unrestricted growth of the stream of available information serves not so much to the enlightenment as to the pollution of consciousness and society; and similarly, it serves not so much to the friendly rapprochement of hostile partners as to the further increasing of their hostility and their mutual prejudices.

---

23 *Jörg Becker* – Ph.D., professor, research area - sociology and politics in the field of media and media technology; Director of the Institute for Communication and Technology Research (KomTech) in Solingen (1987–2010); since 1987 – Honorary Professor of the Institute of Political Science at the Marburg University; from 1999 to 2011 – visiting professor at the Institute of Political Science at the University of Innsbruck; currently a free sociologist, journalist and public figure, has been living in Solingen (North Rhine-Westphalia, Germany) since 2014, is an independent member of the parliamentary group in the Solingen City Council, publishes articles on current topics in periodicals. Website: <http://www.profloergbecker.de> E-mail: joerg.becker@komtech.org

Keywords: terrorism; war; militarization; communication; information; mass-media; PR; information society; society of control; surveillance

For citation:

Becker J. Information revolution devours its children. International media-politics under conditions of the terror, militarization and total obliteration of borders. *Fonar' Diogena: Chelovek v mnogoobrazii praktik. Mezhdunarodnyi antropologicheskii zhurnal [Diogenes' Lantern: The Human Being in Diversity of Practice. International Anthropological Journal]*, 2021, No. 5–6, pp. 121–149 (in Russ., trans. from Germ.).

References

Agnoli J., Brückner P. *Die Transformation der Demokratie [The Transformation of democracy]*, Frankfurt/M.: Europa, 1968, 198 p.

Bartosch A. Das Grünbuch über Konvergenz. Ein Beitrag auf dem Weg in die Informationsgesellschaft. *Zeitschrift für Urheber und Medienrecht [Journal for Copyright and Media Law]*, 1998, No. 3, pp. 209–220.

Beck U. Der militärische Euro. Humanismus und europäische Identität, *Süddeutsche Zeitung*, 1999, Vol. 1 (April), p. 17.

Becker J. *Information und Gesellschaft*, Wien: Springer, 2002a, 214 p.

Becker J. *Der Beitrag der Medien zur Krisenprävention und Konfliktbearbeitung. Eine Analyse der internationalen Diskussion und Implementierungsmöglichkeiten mit Empfehlungen für die Technische Zusammenarbeit*. Arbeitspapier 1/2002 des Sektorberatungsvorhabens Krisenprävention und Konfliktbearbeitung, Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit, 2002b.

Becker J. Contributions by the Media to Crisis Prevention and Conflict Settlement, *Conflict and Communication Online*, 2004, Vol. 3 (1–2), available at: http://www.cco.regener-online.de/2004/pdf_2004/becker.pdf (accessed: 06.08.2020).

Becker J. *Communication and Conflict. Studies in International Relations*, New Delhi: Concept Publishers, 2005, 372 p.

Becker J., Beham M. *Operation Balkan. Werbung für Krieg und Tod*, Baden-Baden: Nomos, 2006, 130 p.

Becker J., Carfora A., Flatz Ch., Hartlieb M., Lanzinger A., Oberhofer T., Preglau-Hämmerle S. Das Bild des Auslandes und des Fremden in der Alternativpresse. In: Evangelische Akademie Iserlohn im Institut für Kirche und Gesellschaft (ed.), *Für eine Kultur der Differenzen. Friedens- und Dritte-Welt-Zeitschriften auf dem Prüfstand*, Iserlohn: Institut für Kirche und Gesellschaft, 2004, pp. 9–76.

Beltrán L.R., Fox de Cardona E. *Comunicación Dominada: Estados Unidos en los medios de América Latina*, México: Institute for Latin American Studies–Nueva Imagen, 1980, 176 p.

Bücher K. Das Zeitungswesen. In: P. Hinneberg (ed.) *Die Kultur der Gegenwart: Teil 1, Abt. 1. Die Allgemeinen Grundlagen der Kultur der Gegenwart*, Berlin–Leipzig: Teubner, 1906, pp. 481–517.

Chakravarthi R. *Recolonization. GATT, the Uruguay Round and the Third World*, London: Zed Books, 1990, 319 p.

Chomsky N. *Wege zur intellektuellen Selbstverteidigung: Medien, Demokratie und die Fabrikation von Konsens*. München: Marino, 1996, 240 p.

Chomsky N. *Profit over People. Neoliberalismus und globale Weltordnung*, Hamburg-Wien: Europa, 2002, 167 p.

Deleuze G. *Unterhandlungen: 1972–1990*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1993, 272 p.

Dörner D. *Die Logik des Misslingens*. Reinbek/Hamburg: Rowohlt, 1989, 320 p.

EBU. *37th Meeting of the Television Programme Committee*, London: European Broadcasting Union, 1978.

Fischbach R. Konvergenz – schwacher Begriff, starke Absicht. Eine Herausforderung demokratischer Medien- und Telekommunikationspolitik, *Blätter für deutsche und international Politik*, 1998, Vol. 12, pp. 1479–1488.

Foucault M. *Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses*, Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976, 395 p.

Hacker F. *Terror: Mythos – Realität – Analyse*, Reinbek/Hamburg: Rowohlt, 1975, 424 p.

Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*, Neuwied: Luchterhand, 1962, 291 p.

Holzer A. (ed.) *Mit der Kamera bewaffnet. Krieg und Fotografie*, Marburg: Jonas, 2003, 183 p.

Knieper T., Müller M.G. (eds.) *War Visions. Bildkommunikation und Krieg*, Köln: Halem, 2005, 432 p.

Kühnel R. *Kulturals Komponente der Außenpolitik von Europa?*, Vortrag auf der Konferenz “Kultur–macht–Europa” der Kulturpolitischen Gesellschaft [7–8 June, Berlin, 2007 unpublished manuscript].

Krempf S. *Krieg und Internet. Ausweg aus der Propaganda?*, Hannover: Heise, 2004, 237 p.

K.u.u.g.e.l (eds.) *Bildverbot*, Wien: Triton, 2003, 180 p.

Leidinger Ch. *Medien – Herrschaft – Globalisierung. Folgenabschätzung zu Medieninhalten im Zuge transnationaler Konzentrationsprozesse*, Münster: Westfälisches Dampfboot, 2003, 615 p.

Locke W.N. Translation by Machine, *Scientific American*, 1956, No. 1, pp. 29–33.

Marx K. *Die Frühschriften*, Stuttgart: Kröner, 1971, 588 p.

Moore W.E., Tumin M.M. Some Social Functions of Ignorance, *American Sociological Review*, 1949, No. 14, pp. 787–795.

Oy G. *Die Gemeinschaft der Lüge. Medien- und Öffentlichkeitskritik sozialer Bewegungen in der Bundesrepublik*, Münster: Westfälisches Dampfboot, 2001, 292 p.

Paul G. *Bilder des Krieges – Krieg der Bilder*, Paderborn: Schöningh, 2004, 526 p.

Pilger J. *Verdeckte Ziele. Über den modernen Imperialismus*, Frankfurt/M.: Zweitausendeins, 2004, 348 p.

Pinder W. *Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas*, Berlin: Frankfurter Verlagsanstalt, 1926, 167 p.

Popitz H. *Über die Präventivwirkung des Nichtwissens*, Tübingen: Mohr, 1968, 25 p.

Ramonet I. *Die Kommunikationsfalle. Macht und Mythen der Medien*, Zürich: Rotpunkt, 1999, 184 p.

Ramonet I. Aus einer neuen Welt. *Le Monde Diplomatique* (dt. Ausgabe), December, 2001, No. 1, 6, available at: <https://monde-diplomatique.de/artikel/!1135811> (accessed 06.08.2020).

Reiss E. *Wir senden Frohsinn. Fernsehen unterm Faschismus*, Berlin: Elefanten Press, 1979, 231 p.

Said E.W. *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World*, New York: Pantheon, 1997, 272 p.

Schneider L. The Role of the Category of Ignorance in Sociological Theory, *American Sociological Review*, 1962, Vol. 27, pp. 492–508.

Shaheen J.G. *Reel Bad Arabs. How Hollywood Vilifies a People*, New York: Olive Branch Press, 2001, 574 p.

Smiers J. *Arts under Pressure. Promoting Cultural Diversity in the Age of Globalization*, London: Zed Books, 2003, 275 p.

Sola Pool I. de. Effects of Cross-National Contact on National and International Images. In: Kelman H.C. (ed.), *International Behavior. A Social-Psychological Analysis*, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965, pp. 106–129.

Thomas P.N., Nain Z. (eds.) *Who Owns the Media? Global Trends and Local Resistances*, Penang: Southbound, 2004, 330 p.

Trinquier R. *La Guerre moderne*, Paris: La Table Ronde, 1961, 199 p.

Tuschl R.H. *Der Informationskrieg der Nachmoderne. Vom Antagonismus der Weltordnung zum permanenten Krieg im kybernetischen Raum*, Münster: Agenda, 2004, 157 p.

U Kyi Win. Massenmedien in Birma. Ein Bericht über die aktuelle Situation, *Internationales Asienforum*, 2001, Vol. 32 (3–4), pp. 319–336.

Zacharopoulos Th., Parasxou M. *Mass Media in Greece*, Westport, Connecticut: Praeger Publishers, 1993, 214 p.

Zeutschner H. *Die braune Mattscheibe – Fernsehen im Nationalsozialismus*, Berlin: Rotbuch, 1995, 174 p.